

Беседы, встречи, интервью

Discussions, Meetings and Interviews

«В НАУКЕ МНОГО МИФОЛОГИИ...»

**(НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ГАВРЮШИН:
ИНТЕРВЬЮ В ФОРМЕ КРУГЛОГО СТОЛА)**

“THERE IS A LOT OF MYTHOLOGY IN SCIENCE...”

**(NIKOLAI KONSTANTINOVICH GAVRIUSHIN:
AN INTERVIEW IN THE FORM OF A ROUND TABLE)**

Идею проведения научного семинара как своего рода «коллективного интервью», когда приглашенный докладчик не делает доклада в привычном смысле, а лишь отвечает на вопросы присутствующих, предложил один из руководителей Научно-методологического семинара Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН А. Н. Родный. Первый опыт прошел успешно: на заседании семинара 21 апреля 2015 г. вопросы задавали Николаю Константиновичу Гаврюшину – сотруднику отдела истории техники и технических наук ИИЕТ, а также профессору Московской духовной академии. В область его научных интересов входят, наряду с общими вопросами истории науки и техники, история отечественной религиозно-философской мысли, русский космизм, краеведение и музееведение, изучение памятников науки и техники в широком социокультурном контексте. Заседание вел С. Д. Хайтун. Открывая заседание, он рассказал о планах пригласить для такого интервью и других исследователей, взгляды и работы которых вызывают большой интерес и иногда спорное к себе отношение.

С. Д. Хайтун: Как ты пришел в историю науки, не потому ли что у тебя не получилось в «настоящей» науке?

Я не ставил перед собой такой задачи, даже и в мыслях у меня не было, становиться историком науки. И вообще, до 1968 г. я не имел понятия, что такая область интеллектуальных интересов существует. Я был студентом филологического факультета МГУ, закончил третий курс, написал курсовую работу о лирическом «Я» поэтессы Мирры Лохвицкой и о проблемах художественного творчества. И в дальнейшем собирался заниматься именно поэзией Серебряного века. Но

в 1968 г. я узнал, что такой институт есть. Один из историков космонавтики, который приходился мне родственником, привел меня к Виктору Николаевичу Сокольскому. И для меня было почти шоком, что существует Институт истории естествознания и техники, в нем много комнат, в каждой из которых работают специалисты по самым разным направлениям. Причем хочу сразу подчеркнуть, что общение с Сокольским и в тот момент, и в последующее время для меня имело просто судьбоносное значение. Собственно, перед тем как привести меня в институт, муж моей двоюродной сестры сказал, что познакомит меня с одним из великих людей современно-

сти. Мне всегда казалось, что великие люди жили давно, а вокруг нас великих в принципе быть не может. И вот он меня приводит к Сокольскому... Так, на вид не очень великий, с усиками, достаточно подвижный, симпатичный. Он предлагает мне временную работу в институте – помогать ему в подготовке сборника по истории авиации и космонавтики. Я сверял переводы, раскладывал фотографии и про себя начал думать, что если у меня не получится заниматься тем, чем я хочу и что начал делать в университете, надо иметь какой-то запасной аэродром, т. е. заниматься проблемами научного творчества на материале, скажем, истории космонавтики в связи с художественной литературой.

А дальше получилось так, что через некоторое время я поступил работать, еще будучи студентом, в ЦНИИМАШ, там общался с группой по истории космонавтики, которую возглавлял Юрий Васильевич Бирюков. И он начал меня настраивать на то, чтобы я занимался разработкой научного наследия Циолковского. В 1971 г. пришлось мне из ЦНИИМАШ уходить, и я вновь пришел к Сокольскому.

С. Х.: А вот если бы у тебя жизнь началась заново, ты бы выбрал такую специальность?

Ну, я, честно говоря, до конца не убежден, что у меня такая специальность есть. Это одна из сфер моих занятий, которая мне достаточно много дала в разных отношениях. Но я вообще ни в чем не чувствую себя специалистом.

С. Х.: А как у тебя определилось твоё предметное поле?

Для меня проблемой номер один была проблема творчества. В институ-

те у меня конкретизировалось взаимодействие научного и художественного творчества, и такую тему диссертации я и поставил: «Художественное творчество и развитие науки», в скобках – «становление идеи освоения космоса» (Москва, 1973). Да, мне казалось, что тема интересная и она должна вообще вызвать какую-то реакцию, в том числе в институте.

С. Х.: Не вызвала?

Большого внимания не заметил. Я защитил диссертацию и сделал целый ряд докладов на чтениях Циолковского, на заседаниях секции истории космонавтики. Вот таким образом я поначалу в какой-то степени осуществлял сопряжение своих интересов в области теории творчества и интересов института.

С. Х.: А откуда появился космизм? В институте?

Конечно! Кто такой Циолковский с его идеями? Разве это не космизм? И надо сказать, что в ЦНИИМАШ уже говорили о русских космистах, в частности, о Н. Ф. Федорове и его отношениях с Циолковским, так что какой-то импульс и оттуда был, и регулярные посещения Калуги, чтений Циолковского. В 1971 г. я сделал в Калуге доклад об истории русского космизма.

Голос из зала: А защита кандидатской диссертации где была?

У Владимира Спиридоновича Готта, это Педагогический институт им. Ленина.

Е. Л. ЖЕЛТОВА: Я тоже работала у Сокольского, очень интересный был человек. Хочу задать несколько вопросов. Выходили ли вы

на более широкий контекст осмысления темы художественного и научного творчества? У вас есть работа «Ньютон и Циолковский», как вы ощущаете связь религии и науки в тех персоналиях, о которых вы писали? И последнее: вера, религиозное мировоззрение, помогло ли оно понять русский космизм, проникнуть в него?

Каждое исследование всегда расширяет ваше интеллектуальное поле. Вот одна из моих первых статей, «Универсальность творческой личности» (1974). Она была посвящена трем ученым, жившим примерно в одно время, – это Марен Мерсенн, Афанасий Кирхер и Иоганн Кеплер с его «Сном». У Кирхера есть идея космического полета, у Мерсенна разрабатывалась тема создания искусственного языка для беседы с «лунатиками». Я попытался посмотреть пошире на эти три личности и выявить некую парадигму, которая позволяет им сравнительно легко переходить из одной сферы знания в другую. Я, в принципе, с удовольствием бы занимался этим и дальше, но так складывались обстоятельства, что приходилось, как понимаете, свои интересы соотносить еще и со многими другими задачами, которые есть и в институте, и в жизни, и т. д.

Б. Н. Кантемиров: *Вы в ЦНИИ-МАШ направлены были?*

Нет. Там был очень интересный отдел общих проблем космонавтики. В этом отделе работали, по-моему, два философа, два писателя-фантаста, три художника. Туда интегрировалась группа Генриха Ивановича Морозова, которая занималась системами жизнеобеспечения. Потом туда же влился

Юрий Васильевич Бирюков, который пришел из королевской фирмы со своей группой историков космонавтики. И я оказался в этом отделе. Сначала у меня были задачи, определенные сотрудничеством с философом Аркадием Дмитриевичем Урсулом. В какой-то мере он сыграл роль в моей диссертации, в частности, потому что был на кафедре философии в Педагогическом институте.

С. Х.: *У тебя всего публикаций что-то больше 200. Среди них много ли работ чисто историко-научных?*

Думаю, треть.

С. Х.: *Правильно ли я понимаю, что для тебя история научных и история религиозных представлений – это единое целое?*

В принципе, да, но ведь я думаю, что не только для меня.

С. Х.: *Например, для кого еще?*

У нас работала известный философ Пиамы Павловны Гайдено, автор книги «Эволюция понятия наука». Если мы будем говорить об Античности, о Средневековье, то все, что мы сейчас называем наукой, входило в состав философии. Поэтому если меня интересует история философии, то в равной степени интересует все, что входило в ее состав.

С. Х.: *А чем отличается русский космизм от космизма западного?*

Я благодарен за вопрос. Начнем с того, что космизм – словечко такое новообразованное. Мы его активно употребляли в 1970-е гг., но ска-

зять, что оно было в ходу, скажем, в 1930-е гг. или в начале XX в., нельзя. Я с большим изумлением сам откопал среди американских мыслителей XIX в. философа, которого звали Джон Фиск. Его космизм — это было иное название некоего пантеизма, т. е. у него в голове не было и мысли об общении с инопланетными цивилизациями. Мы на эту тему много беседовали с Александром Павловичем Огурцовым. И он позднее об этом вспоминал. У нас космизм расширялся до таких пределов, что туда и Макс Шелер попадал, и чуть ли не вся каббалистика, и возникало ощущение, что мы слишком широко пошли. В эпоху начала космической эры ожидалось, что с космизмом будет связываться некая техническая деятельность прежде всего и какое-то ее идеологическое обоснование, связанное с освоением космоса. А мне и Огурцову и многим в то время казалось очень важным дистанцироваться от марксистских парадигм, которые требовали в той или иной степени классового анализа идей, и открыть для себя поле, относительно свободное от возможных идеологических интервенций. Поэтому мы немножко этот космизм расширяли. Для Запада вообще не стояло ни той, ни другой проблемы. И если у Фиска этот термин работает, то, в принципе, на Западе он не употребителен был, по крайней мере раньше.

Е. А. ГОРОХОВСКАЯ: *Это наше изобретение?*

Я думаю, что это наше. Уже в 1990-е гг. я начал «каяться» и написал маленькую заметку в ВИЕТ под названием «А был ли русский космизм?». Я там честно сказал, что мы некоторым образом ретроспективно «создавали»

этот космизм, подтягивали туда людей, подходящих хотя бы формально. Но чтобы космизм был таким движением, как, например, русский символизм в поэзии, этого сказать нельзя. Собрать вместе и Вернадского, и Чижевского без некоторого насилия над их идейными программами трудно. Что сказал бы сам Вернадский, если бы его с Николаем Федоровичем Федоровым объединили? Флоренский пытался общаться с Вернадским по темам, близким к космизму, он ему в письме предлагал ноосферу заменить на пневматосферу — но ответа не последовало.

О. Д. СИМОНЕНКО: *Космизм или вообще все это направление связано с уфологами. У вас были с ними контакты?*

Колоссальная тема. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. уже была большая уфологическая литература, на Западе выходил, по-моему, не один журнал, в частности, *Flying Saucer* («Летающая тарелка»), и в ЦНИИМАШе, в спецбиблиотеке, его можно было свободно взять, так же как и некоторые секретные наши отчеты. Довольно быстро я убедился в том, что на протяжении почти двух десятков лет во *Flying Saucer* эксплуатируются одни и те же сюжеты. Но были свидетельства людей, которых якобы забирали с собой инопланетяне, например, книжки Джорджа Адамски. Эрих фон Денникен писал тогда о «палеоконтактах», Александр Горбовский эту тему поднимал. В начале 1970-х гг. нас попросили на заседании секции истории авиации и космонавтики СНОИФЕТ поставить доклад Зайцева, публициста, писавшего о контактах с инопланетянами. Сокольский пошел нам с Бирюковым навстречу,

при секции истории авиации и космонавтики учредили даже подсекцию под такого рода доклады. Мне накануне Виктор Николаевич сказал: «Я буду сидеть в последнем ряду, все на вас. Но учтите, что я очень боюсь, чем это дело кончится». Вечером начала собираться публика и, честно скажу, у меня сердце екнуло. Потому что в зале — здесь большинство помнит наш зал на Старопанском — люди стояли вплоть до стола президиума. И даже по вопросам, по реакции было понятно, что не все адекватные. Мы опасались, что слухи по Москве разнесутся. По существу, это была почти запретная тема. В какой-то момент Бирюков, который вел заседание, растерялся. Сокольский мне говорит: «Идите в президиум, берите все в свои руки». И мне пришлось вести заседание в жестком режиме. На этом мы с внеземными цивилизациями закончили. Но мы в рамках секции еще давали возможность выступить некоторым исследователям, непрямо связанным с уфологией. Например, [Н. Ф.] Гончаров, [В. С.] Морозов, [В. А.] Макаров — такие были ребята, которые разрабатывали теорию «Земля — большой кристалл».

О. С.: У меня вопрос по поводу Космодемьянского. Очень интересной личностью он был, и вот как у вас с ним отношения складывались? Он тоже занимался Циолковским или космизмом, но ведь принадлежал к совершенно другому поколению.

Два эпизода коротких с Аркадием Александровичем. Он был человек совершенно замечательный, любитель поэзии, судьба его очень интересная. Все-таки генеральский мундир-то ему якобы пожаловал сам...

С. Х.: Сталин?

Легенда была. Аркадий Александрович действительно занимался серьезно Циолковским. Одна из моих первых статей по истории науки называлась «Циолковский и атомистика». Я все собрал, что можно было, не только у самого Циолковского в архиве, но и контекст, помимо книжки В. П. Зубова проштудировал К. Лассвица «Историю атомистики». Сделанный доклад предназначался для «Трудов» чтений Циолковского. Тут Аркадий Александрович схватился за голову. «Понимаете,— говорит,— я всю жизнь положил на то, чтобы Циолковского возвести на пьедестал, а вы начинаете ворошить самые слабые его работы. Я его формулу движения ракеты смотрел по рукописям. У него там ошибки в вычислениях! Я же не мог его в таком виде представить! Я все пересчитал, и так мы все опубликовали». То есть Аркадий Александрович все пересчитал, поэтому в опубликованных трудах Циолковского все правильно. Я спрашиваю: «А как же наука? Наука должна раскрывать то, что достоверно?» «Ну, знаете, я атомной физикой не занимаюсь. Давайте пошлем на отзыв в МГУ на кафедру теоретической и экспериментальной физики профессору Соколову». Ответа долго не было, затем пришел: «Ну, в общем, ничего сказать не можем». Тогда дали на отзыв своим. [А. Н.] Вяльцев прочитал, сделал толковые замечания философского порядка, предложил туда [Н. В.] Бугаева вставить с его аритмологией. И в конце концов эту статью напечатали. А второй эпизод такой. Уже к 1976 г. решили собрать заседание, посвященное русскому космизму. Все опять опасались, как там контролирующие органы отнесутся. Боль-

шая группа сотрудников института участвовала. Были И. И. Мочалов, А. П. Огурцов, [Б. Г.] Юдин, правда, без доклада, В. К. Кузаков был, Светлана Семенова (супруга Гачева) со своим Николаем Федоровым, [В. Л.] Рабинович с Николаем Заболоцким, заседание, которое неофициально мы называли «Циолковский и русский космизм». Двое ведущих было: я и Космодемьянский. Он в погонах, это была наша идейная защита.

С. Х.: Как ты относишься к любимому тезису Тейяра де Шардена, что социальная эволюция рано или поздно закончится в точке слияния людей с Иисусом?

Мне кажется, это такая метафизическая фантазия, которая может обсуждаться за пределами научного сообщества.

С. Х.: Как в тебе уживаются твои научные и религиозные воззрения, не сталкиваются ли они и не мешают ли они друг другу?

Для меня обсуждение вопросов, связанных с отношениями науки и религии, на протяжении длительного времени менялось; и если в начале 1970-х гг. я искал чего-то такого, похожего на синтез натурфилософии и религиозной метафизики, то в дальнейшем постепенно у меня складывалось ощущение, что надо несколько эти темы развести. В конце 1980-х гг. Мира Михайловна Рожанская пригласила меня в сектор истории физики для доклада о естественно-научных представлениях Древней Руси. В течение часа я убеждал физиков в том, что на Руси была и физика, и логика, и космогония, и космология. Атмосфера очень была доброжелательная,

а в конце Мира Михайловна сказала: «А может быть то, что вы рассказали, не обязательно называть наукой, может быть, это что-то было другое?» И я подумал, что да, в этом тоже есть резон. Сейчас я бы очень серьезно усилил эти сомнения, но это связано с тем, что я несколько по-другому стал смотреть на религию. Если в начале 1970-х гг. для меня религия была неким синкретическим мировоззрением, которое соединяет в себе как нравственные послы, идеалы, так и видение космоса и видение того, что трансцендентно в какой-то степени космосу, то в дальнейшем я стал ощущать, что надо несколько дистанцировать эту самую науку от религии. Дело в том, что в определенный период, например, в эпоху Василия Великого, действительно христианским сообществом осуществлена была рецепция наиболее выдающихся достижений науки того времени и, собственно, на этой основе части аристотелевской философии и аристотелевской физики стали основой средневекового мировоззрения. Но в дальнейшем те конфликты, которые мы знаем, которые являются хрестоматийными, особенно в том же XVII в., довольно остро поставили вопрос, насколько принципиальна для той же христианской веры космология — Птолемея или Коперника? И вот у меня сложилось ощущение и даже убеждение, что в какой-то степени напрасна была попытка связывать именно христианское мировоззрение с той или иной эпохой научного развития.

С. Х.: Может быть, ты зря немножко развел?

Дело в том, что есть вещи, которые осуществляются помимо заранее положенной задачи или идеи. Я про-

сто ощущаю, что дух христианства, который пришел в определенный исторический момент к человечеству, и его самоосуществление в формах преимущественно греко-римской цивилизации находятся в некотором конфликте. Я говорю о том, к чему я постепенно стал приходить. И до меня люди приходили, но я не сразу мог это оценить.

Н. В. ВДОВИЧЕНКО: *Но есть не только христианство, но и буддизм, и синтоизм, и иудаизм, ислам.*

Никто с этим и не спорит, но надо сказать, что поскольку у нас тема «История науки», то в такой степени в буддизм наука не вторгалась, хотя там была логика — вот известная работа [Ф. И.] Щербатского «Теория познания и логика по учению позднейших буддистов», но это не мейнстрим. Понимаете? А вот это все здесь: и арабская наука, и диалог арабов и с христианами, и с иудеями. Это гораздо ближе к нам.

Е. Ж.: *Сейчас, особенно в европейской науке, очень много говорят о том, что все больше и больше появляется фактов, доказывающих, что мир был сотворен. Каково ваше отношение к этому?*

Я думаю, это, так сказать, обстоятельство, которое надо фиксировать как некую исповедь ученого. Мы не можем доказать, что мир сотворен. Был такой чудак по имени Иммануил Кант. Он в свое время нарисовал некие границы: куда можно влезать, куда нельзя. Может быть, он в чем-то был и неправ, но он по крайней мере методологически поставил вопросы, а здесь, как мне кажется, с неким интеллектуальным азартом люди на-

чинают выходить за пределы своих инструментов — ланцетов, осциллографов и т. д. — и говорить о тех вещах, о которых инструментальным языком говорить нельзя.

В. Л. ГВОЗДЕЦКИЙ: *В рамках темы религиозного знания я хочу сказать, что в отделе истории техники был недавно удивительный доклад Николая Константиновича, посвященный 100-летию Бориса Викторовича Раушенбаха, где смысл сводился к анализу эволюции мировоззрения этого вселенского ученого. Причем на базе в немалой степени опыта личных отношений.*

Я скажу кратко. Просто так, без заранее мною поставленных задач, ко мне обращалось одно издательство, и получились в итоге две статьи, посвященные нашим ученым, которые занимались авиацией и космонавтикой и интересовались религиозной проблематикой. Первым встал вопрос о Сикорском, и сборник его богословских работ был опубликован с моим предисловием¹. Да, это тот самый [авиаконструктор Игорь Иванович] Сикорский. У него очень глубокое богословское видение многих вопросов и религиозно-философский взгляд на судьбу нашей цивилизации в целом. Затем возникла идея с Борисом Викторовичем Раушенбахом, который начинал в середине 1970-х гг. заниматься русской иконой, но когда я ему задавал прямые вопросы, он отвечал: «Я только математик. Я вообще ничего не имею в виду». Потом он

¹ Гаврюшин Н. К. Богословские искания авиаконструктора И. И. Сикорского // Сикорский И. Богословские работы. М.: ВегаПринт, 2014. С. 5–12.

подошел буквально к христианской вере, повторно крестился, перешел в православие из кальвинизма, в котором он был первоначально крещен, и последняя его работа на протяжении лет десяти — это взгляд на мир, на нашу страну с позиции православного немца, живущего в России и отождествлявшего себя с русской культурой.

А. В. ПОСТНИКОВ: *Николай Константинович, вам хорошо известно, что ученые, как верующие, так и неверующие, проявляют большой интерес к вопросам соотношения науки и религии. Почему, как вы считаете, это происходит?*

Такой литературы сейчас очень много. Я ее частью отслеживаю, и ее отслеживают на Западе. Пишут очень много на эти темы. И, насколько я знаю, в США есть такая достаточно мощная структура, как фонд Темплтона, которая очень охотно это спонсирует. Запад достаточно разнороден, и там сильна тенденция, которая проявилась, как сказал Сергей Хайтун, у Тейяра де Шардена, тенденция к тому, чтобы иметь некую целостность видения космоса. В науке много мифологии, нам постоянно говорили о «современной научной картине мира». У меня вопрос: кто, где, когда хоть как-нибудь ее нарисо-

вал, чтобы это было более или менее стыкуемо и непротиворечиво? Да одни физики с космологами столько гипотез выдвигают постоянно о том, как устроен космос!

С. Х.: *Как ты относишься к атмосфере терпимости в научном сообществе?*

Вот этот вопрос в нашем институте столько раз рассматривался и столько уже раз он проговаривался в том смысле, что всякое научное открытие — это всегда некое инакомыслие, нонконформизм.

С. Х.: *А твое отношение к этому?*

Существует научное сообщество, оно должно давать раскрываться самым разным точкам зрения.

Голос из зала: *Николай Константинович, вы занимаетесь еще и краеведением, а краеведение и история науки связаны?*

В моей краеведческой книжке, она вышла в 1982 г.², было сказано об этой связи.

² Гаврюшин Н. К. Сокровища у порога. Эстетическое воспитание в краеведческой работе. М.: Просвещение, 1982.